

1 ГЛАВА

На свежем холмике жирной темной запашистой земли установили невысокий деревянный памятник с именем Катерины Яромировны Леснянской. К его подножию люди, пришедшие проводить мою бабулю в последний путь, принесли множество красных гвоздик — словно капельками крови покрыли могилку. Рядом, в пределах одной ограды, с гранитных плит тоскливо поблескивали, словно взирали на меня, еще несколько до боли родных имен: прабабки, деда, мамы, а теперь вот и бабушки. Отныне я единственная наследница по материнской линии.

Я замерзла, слишком долго была на кладбище. Мы захоронили очередную урну с прахом, ни в одной из могил нет тел, только пепел. Леснянские испокон веков следовали своим традициям, по мнению многих, языческим: имена детям давали старославянские,

покойников всегда кремировали, а памятники на кладбище — лишь место памяти для живых.

— Елочка, замерзнешь совсем, простынешь, может, по домам? — ласково, виновато предложил отец.

— Ты иди, пап, тебя же дома заждались, а я еще чуточку посижу и тоже домой поеду, — натянуто улыбнулась я, пряча ладони между коленей, чтобы согреть озябшие пальцы.

— Ты уверена? Может, лучше к нам? — осторожно уточнил он и, отметив, как я кивнула, а следом отрицательно мотнула головой, едва заметно, облегченно выдохнул.

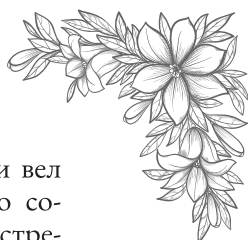
Да, у него давно другая семья, дети, я там лишняя. Взяв организацию и оплату похорон бывшей тещи на себя, отец таким образом проявил заботу обо мне, старшей дочери. Помог и деньгами, и участием.

Мягко, но неуверенно потрепав меня по макушке, папа постоял с минуту, а потом, на прощание пожав мое плечо, ушел. Я же осталась на лавочке, пока еще не в силах уйти, и тоскливо провожала взглядом его фигуру в черном пальто. Несмотря на возраст — пятьдесят лет, — отец по-прежнему подтянутый и красивый. К тому же, в нем идеально сочетаются ум, привлекательная внешность и хороший характер.

Одиночество и тоска совершенно непривычны для меня. А сегодня, похоронив самого близкого человека, я по-настоящему осиротела. Маму я помню смутно. Когда она погибла, участвуя в мотогонках, мне было всего пять лет. За пару лет до того они развелись с моим отцом, он ушел к другой женщине, чуть старше и не такой красивой, как моя мама, зато любящей и любимой. Сейчас мне понятно, что ему хотелось покоя и стабильности, а не азарта и вечной погони за приключениями, которые горели в крови Майи Леснянской.

В новую семью отца бабушка меня отдавать категорически отказалась, она потеряла единственную и позднюю дочь, лишиться еще и внучки — ни в коем случае! Мой папа это принял, особо не настаивал —

они с женой ждали собственного первенца — и вел себя ответственно: содержал, как положено, до совершеннолетия. Близки мы никогда не были, встречались лишь по праздникам, но я всегда знала: отец меня любит и по-своему заботится. А вот бабушка любила меня безмерно и за всех разом, душа у нее была огромная и светлая, всех одаривала теплом. И в этом тепле я никогда в жизни даже на миг не ощущала себя одинокой или чего-то лишенной, как сегодня.

В этом году я закончила факультет иностранных языков, мне двадцать один год, и до сих пор не представляю, чем хочу заниматься в жизни.

Родилась я не в обычной семье, хотя эту необычность осознала только в школе, когда мамочка одноклассника презрительно, но с опаской обозвала меня ведьминым отродьем. И это в двадцать первом веке! Мы жили в крепком просторном деревянном доме возле леса. С одной стороны, на машине до города и лучшей школы рукой подать, с другой — почти на выселках живем и за забором «грибы да ягоды».

Сколько себя помню, наши праздники не совпадали с государственными, летом и осенью с утра до вечера, а бывало и ночами, собирали лесные травы и корешки, сушили, потом моя бабулечка продавала эти сборы. Более того, до поры до времени меня не интересовало, зачем к Катерине Яромировне Леснянской то и дело приезжают разные люди: женщины и мужчины, молодые и пожилые. Нет, она никогда не гадала и ничего не предсказывала, даже ругалась и «плевалась» на такие умения. Но вот своими травками да заговорами пользовала нуждающихся. Деньги у нас всегда водились — добровольные пожертвования исцеленными делались от щедрой души. Бабуля, как говорится, в рекламе не нуждалась: страждущие сами приходили благодаря доброй молве.

Наш дом, построенный еще в начале девятнадцатого века, пережил не одно поколение Леснянских, и народ в округе в курсе, что живет здесь старый ведьминский род. Живет обособленно, в скандалы

и склоки местных никогда не встревает, внимания не привлекает... Ну как: потихоньку жутковатые ритуалы проводит да празднует не пойми что. Даже в лихолетье наш старый, потемневший от времени дом не трогали, обходили стороной, будто чувствовали опасность. Женщины наши между собой очень похожи: замкнутые, часто одинокие, гордые, красивые и загадочные...

У нас в горнице-зале-гостиной на стенах развешено много старых и новых фотографий представительниц рода Леснянских. При разных отцах, во все времена наши женщины таинственным образом передавали из поколения в поколение характерные черты. Большинство — шатенки с толстыми косами, высокие, статные, стройные, но фигуристые, с очень светлой, нежной кожей и невероятно яркими изумрудными глазами. Мой отец — блондин, поэтому я скорее русая, чем шатенка, но все остальные черты Леснянских «налицо». И глаза зеленые — как трава, и кожа — как дорогой фарфор, густая шевелюра укрощена короткой модной стрижкой, стройная фигура с высокой грудью и округлыми бедрами, всегда с прямой спиной. Еще бы, чуть ссутулишься — и получишь от бабули промеж лопаток.

Да, я прямая кровь, как говорила бабушка Катерина. Правда, потом она тихонечко бурчала, что сильно разбавленная, ведь едва «чую» землю и растения, совсем капелька родового дара мне досталась. И скоро совсем наследие предков потеряем. Может, потому что крайняя в роду, не чую земли, и слабосилок, как бабушка называла за детские или подростковые безобразия. А меня, вопреки ее озабоченности потерей родом какого-то-там-дара, разбирали смех и ирония: какие ведьмы в наше время? Какой дар?

То ли дело сила интернета, благодаря которому я спокойно подрабатываю фрилансером-переводчиком. А бабуля моя в травах разбиралась, потому что ботаник по образованию, — вот и все тайны. Но теперь я одна, слезы выплакала, сижу на кладбище, вокруг

буйство осенних красок, пахнет пожухлой травой, руки-ноги замерзли, и на душе зябко.

Ведь и правда, надо идти домой, в пустой, одинокий дом на краю леса. А я словно застряла на перепутье: прошлое напоминает о почти домашней, привычной мистике, ритуалах и бабушкиных зельях, а будущее пугает жесткой реальностью, где правят технологии и ни во что не верят, кроме денег.

Может, зря я к отцу не поехала? Хотя нет, там чужая мне женщина, сестра и брат с их подростковой ревностью к отцу, а мы с ним видимся несколько раз в год. И к подругам не поехать, обе неожиданно и по любви недавно вышли замуж. Даже наш старенький кот умер месяц назад. Эта потеря и подкосила бабушку; может, потому инфаркт и пропустила незамеченным. Думала, душа от тоски болит за Митрофанушку, а оказалось... Эх!..

Сырой холмик, под ним урна с пеплом — частичка от бабушки, которая все-все отдала мне: свое время, часть жизни, море любви и тепла. А я... не верила, мысленно снисходительно хихикала над ее делом и родовым даром, даже не думала о том, какую боль своим непринятием причиняю родному человеку.

Хлюпнув носом, я неожиданно ощутила что-то горячее в душе, вину, протест и жгучее желание все исправить. Вот прямо срочно. Клятва далась мне легко, от души: «Я обещаю тебе, что постараюсь стать ведьмой, как ты хотела. Постараюсь не забыть то, чему ты научила, не забуду, чья кровь течет во мне».

Даже дышать стало легче, ведь в кои-то веки у меня появилась настоящая, важная цель, долг, нет, практически целый план жизни.

Подул холодный осенний ветер, словно вынуждая уйти с кладбища. Я окончательно продрогла и решила, что дальше и впрямь высижу здесь только цистит. Поправила цветы на могилках, кинула прощальный взгляд на родные имена на памятниках и отправилась домой. Ну и так как очень замерзла, с полминутки помучившись сомнениями и стыдом, решила

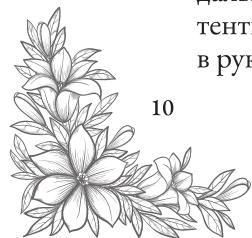
срезать путь до своей машины. Точнее, посмотрев по сторонам, нагло перелезла через забор — всего-то полутораметровый — и спрыгнула в прилегающую к кладбищу лесополосу. Буквально в сотне метров проходит узкая асфальтированная дорожка для велосипедистов и пешеходов, дойти до нее — плевое дело, а там и до парковки рукой подать.

Я почти дошла до дорожки, когда справа заметила странное мерцание. И вот зачем оно мне сдалось? Замерзла как собака, устала, кладбище за спиной, вокруг ни души, но любопытство, присущее всем Леснянским, — бабушка называла его самым страшным проклятием рода — по наследству передалось и мне. Причем оно с лихвой компенсировало недостаток дара.

В общем, ноги сами пошли туда, где светилось что-то такое загадочное, и привели к прямоугольному нечто, похожему на прозрачную, слегка искажающую пространство дверь, вот прямо как в фантастических фильмах показывают. Еще и пробегаящие по загадочной плоскости голубые искорки подтверждали, что это не «дыра», а вход... или выход.

Я нервно оглянулась: на дорожке и вокруг — никого, а «вход» мерцает искорками, красиво так, призывно... Нет, непреодолимо любопытно. А там, за ним, еще более завлекательно играет красками потрясающий воображение пейзаж, причем буквально — как в роскошном ботаническом саду! Раскидистые деревья с фиолетовыми широколистными кронами, похожие на цветущую тропическую жакаранду; кусты с желто-зеленой листвой, словно весенняя форзиция; бурая, но вряд ли пожухлая от заморозков трава.

Чудеса, да и только! Затаив дыхание, я глядела, будто зимними сумерками в окно дома, где светло и тепло, глядела... в другой мир. Ну и что мне делать дальше? Мелькнула здравая мысль: сообщить компетентным органам об этой странности, а пока — ноги в руки и валить отсюда подобру-поздорову. Мелькнула

и сдохла, жестоко раздавленная наследственным любопытством.

Мой покрасневший от холода палец сам собой коснулся мерцающей пелены. Только потрогать хотелось, но неожиданно, не ощутив сопротивления, он проткнул это сияющее нечто.

Я испуганно отдернула руку. Ничего, вот абсолютно ничегошеньки не произошло, и палец целым остался! Теперь любопытство не только зашкаливало — жгло! Видимо, за последние три дня я выплакала все мозги и потеряла осторожность, потому что спустя пару минут сунула «на ту сторону» еще и голову. Как же не разглядеть получше невиданный ранее, чуждый лес? Чуждый, потому что точно не на Земле...

Высокие фиолетовые деревья; кусты, усыпанные яркими ягодами; полянка, заросшая даже с виду густой упругой травой; нереальное изумрудно-голубое небо; спящее оранжево-желтое солнце, а рядом с ним на небосклоне зависли круглые, разноразмерные, цветные диски спутников. И воздух на этой незнакомой поляне по-весеннему теплый, насыщенный ароматом цветов и чего-то свежего, яркого, вкусного — хотелось дышать и дышать.

Именно жгучее желание вдохнуть этой загадочной сладости поглубже заставило меня совершить очередную глупость: полностью преодолеть силовой барьер, шагнуть на чужую землю. В чужой мир.

Стоило мне оказаться целиком по «ту сторону», я глубоко, с наслаждением, вдохнула. Казалось, лучи чужого солнца пронизывают мое тело насквозь, заряжая энергией, словно иссохший аккумулятор. Шепот ветра, шелест листы и тишина. Ничего страшного не произошло — сплошная благодать. В груди будто разжалась пружина, что напряженно дрожала после смерти бабушки. Да и чего бояться, ведь в шаге за спиной проход обратно? Вот посмотрю, подышу, погреюсь, как на курорте!

С растерянной улыбкой я задрала голову и устави-
лась в небо, изумрудно-голубое, чистое, прозрачное,
затем полюбовалась окружающим меня густым ле-
сом, нереально ярким, прямо-таки фантастическим.
До чего же вокруг красиво и покойно! В душе ро-
дилось и буквально ощутимо росло, распирало грудь
острое чувство счастья, будто надышалась чего-то
«веселенького». У меня вырвалось радостное:

— В этом раю можно и остаться!

Ответом мне был глухой хлопок. Обернувшись
на звук, я задохнулась от ужаса: «дверь» исчезла!
Осталась лишь примятая бурая трава, и то там, где
я потопталась. Заныв от накатывающей паники, я опу-
стилась на четвереньки, пытаюсь найти в траве хоть
что-то, что бы указало, как вернуться. Ни-че-го!

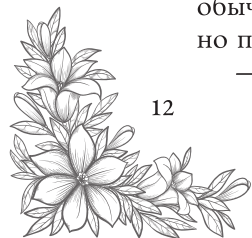
Вскоре пришлось признать, что прохода боль-
ше нет, как и разумных идей насчет того, что делать
дальше. И в этот момент пугающую тишину нарушил
глубокий грудной голос:

— Ну здравствуй, преемница!

Я подпрыгнула от неожиданности и закрутила го-
ловой. И увидела невдалеке, у подножья заросшего
багрово-зеленой травой большого холма, женщину,
сидящую в кресле-качалке. Немолодую, но и не ста-
рую, лет шестидесяти. Как говорила бабуля, тех лет,
когда в душе ты еще молод, но лицо уже выдает воз-
раст. Она спокойно смотрела на меня, неторопливо
раскачиваясь и пуская из мундштука маленькие облач-
ка дыма.

Похлопав глазами — откуда она тут взялась?! —
я наконец рассмотрела у холма небольшой доброт-
ный дом, который, видимо, задней частью врос в него
или стал рукотворным продолжением. Даже крыша
почти сливалась с ярким дерном. Так сразу и не за-
метишь это симпатичное укромное жилище, только
встав лицом к двери и окнам. Разглядывая вполне
обычное человеческое лицо незнакомки, я изумлен-
но просипела:

— Здравствуйте! Вы меня тоже понимаете?..

А про себя подумала: «Может, это все же мой мир...» Но, посмотрев вверх-вниз, налево-направо и убедившись, что такой занятой выставки спутников на нашем небе точно не бывает, содрогнулась от кошмарных перспектив. Я буквально ощутила, как внутри что-то ухнуло в пятки от страха, поэтому, так и не услышав ответ на свой вопрос, срывающимся голосом зачестила:

— Пожалуйста, пожалуйста, верните ту... дверь или хотя бы скажите, как мне вернуться обратно? То есть как открыть тот портал... или силовой барьер, или я, в общем, не знаю, как это точно называется. Но я очень хочу вернуться домой, помогите, пожалуйста, я вас умоляю! Откройте мне дверь, пожалуйста, мне очень-очень надо домой!

Незнакомка заметно тяжело поднялась из кресла и направилась ко мне. Вроде не тот возраст, чтобы так тяжело вставать, но, может, боится? Она приближалась, а я паниковала и вместе с тем надеялась на спасение. Да-да, мало того, что я неприлично любопытная, к тому же еще и наивная.

Женщина остановилась в шаге от меня и, пристально разглядывая, изучая и явно оценивая, наконец ответила:

— Это не дверь, детка, а портал между мирами. Он пропускает только в одну сторону и лишь один-единственный раз. Ты больше никогда не сможешь вернуться в прошлую жизнь, и я уверена: тебя там ничего и никто не ждет. Иначе призыв не сработал бы.

— О чем вы говорите, я не понимаю? — пискнула я, невольно делая шаг назад, не на шутку перепуганная: вот дурища, сунулась в непонятную дыру, как еще сразу мою глупую голову не оторвали.

— Уверена, ты меня хорошо понимаешь. Знание призванным языка призывающего входит в условия ритуала.

Я нервно потерла виски, пытаюсь вернуть себя в реальность и вникнуть в странные слова слишком

уверенной женщины, но ничего не изменилось: все там же, все с ней же.

— Дело не в словах, а в смысле! — отчаянно выдохнула я, а потом, чуть не плача, еще отчаяннее взмолилась: — Я вас очень-очень прошу, верните меня обратно, домой. Пожалуйста!

Незнакомка молча внимательно рассматривала меня — пришелицу из другого мира. Прошлась взглядом по моему лицу, сегодня без макияжа, наверняка с красными от слез и недосыпа глазами. Я словно со стороны, будто ее глазами, видела свою наглухо застегнутую темно-коричневую куртку, мягкий зеленый объемный шарф, в который мне хотелось спрятаться с головой, как в детстве под одеялом, черные плотные джинсы, запылившиеся ботинки на низком каблучке. Замшевую сумочку я судорожно мяла в руках.

Дальше я не менее пристально рассматривала свой «билет домой»: высокую, статную женщину с изумрудными, как и у меня, глазами, цепкими, невероятно умными; резковатыми чертами лица с морщинами, которые, тем не менее, ее не портили, а скорее подчеркивали, что и подступающая старость может быть благородной и красивой. Низко уложенная толстая коса с серебристо-седыми прядями, контрастирующими с темными.

У меня закралось подозрение, что длинное коричневое платье иномирянки сшито из домотканой ткани, еще и крашенной, наверное, вручную, неравномерно. А может, от носки цвет кое-где выгорел. Тем не менее платье вполне приличное: длинные рукава с черной вышивкой по краям и ворот стоечкой, на груди — ряд резных деревянных пуговиц, кожаный пояс, из-под которого от талии спускается свободными складками широкая юбка.

Несмотря на теплую погоду, плечи женщины накрыты пестрой вязаной шалью. Крепкие, разношенные, слишком грубые ботинки я отметила, когда женщина сидела в кресле. Моя бабуля такие даже в лес не надела бы.

Невольно мелькнула испуганная кошмарными перспективами мысль: эта женщина не из современного мира с его технологиями, а из махового Средневековья.

Наконец, завершив осмотр, она задумчиво произнесла:

— Странно, потенциал, бесспорно, большой, но при этом слабосилок. Излучения энергии почти не ощущается.

Одно дело, когда родная и любимая бабушка тебя слабосилком называет, другое — какая-то странная незнакомка. Я подобралась и, вздернув подбородок, глухо возмутилась:

— Простите, э-э-э... не знаю вашего имени, и повторюсь: мне нужно вернуться и...

— Как твое имя? — Женщина оборвала меня, но не зло и грубо, просто явно привыкла командовать.

Удивительно, что мой задранный подбородок она одобрила, даже едва заметно улыбнулась. А меня терзало чувство, что я угодила в яму-ловушку и медленно туда проваливаюсь. Ответила я хрипло, потому что горло перехватило:

— Меня зовут Еля... фамилия Леснянская.

— Еля Леснянская... — задумчиво протянула женщина, при этом ее зеленые глаза вспыхнули потусторонним светом, заставив меня судорожно сглотнуть. — Судя по глазам, имени и роду, ты тоже из лесных ведьм. Это хорошо. Принятие и привыкание проще пройдут. Я Измира из рода Древесных.

Она говорила спокойно, не обращая внимания на мои все сильнее округляющиеся глаза.

— Приятно познакомиться, — выдавила я, а потом добавила, хлюпнув носом: — Можно мне все-таки вернуться домой?!

Измира нахмурилась, не зло, а потом с сожалением покачала головой:

— Прости. Мне нужна преемница — самый подходящий сосуд для моей силы, которую будет способна принять, слиться с ней, сродниться. Поэтому

я провела ритуал призыва. Ритуал сложнейший, я несколько лет копила на него силы, ведь прервать его без последствий невозможно — только дойти до конца. К сожалению, в нашем мире более подходящей моей силе преемницы не нашлось, поэтому я раскинула сети за его пределы и нашла идеальный вариант!

Ее объяснение еще сильнее напугало: прозвучало зловещим рефреном моему недавнему обещанию у могилы бабушки стать ведьмой.

— Послушайте, Измира, миленькая, при чем тут лесные ведьмы, сосуды? Я не могу стать вашей преемницей, мне, вообще-то, домой надо, там...

Женщина, точнее, лесная ведьма, как она себя представила, устало взмахнула рукой, останавливая едким замечанием мой срывающийся сквозь всхлипы на панический писк молящий голосок:

— Детка, лучше быть колючей, но мудрой елочкой, чем дубовой пробкой, которая только и умеет, что с шумом вылетать из бутылки. Поэтому выслушай меня внимательно и не перебивая.

— Я похолодела. Измира практически слово в слово повторила любимую присказку моей бабушки, но это, как ни странно, помогло мне взять себя в руки, как учили с детства.

— Я пока не знаю, в каком мире ты жила, как у вас относятся к ведьмам и магии. Быть может, потому что ты слабосилок, ведьмой себя не считаешь, но через год все изменится. Ты станешь сильной, очень сильной. Повторяю: ритуал призыва завершен, он необратим, сам Мирей согласился принять тебя, позволил открыть дверь, пропустил сквозь пространство и время...

— Мирей? — обреченно шепнула я.

— Да, так называется этот мир, точнее, его дух. Все ведьмы — дети природы, а значит, мы дочери Мирей или любого другого мира и его духа. Коль ты смогла пройти сквозь грань миров, тебя больше ничего не держало на родине. Корни твоего рода сгнили, вся родня наверняка ушла за грань. Ты слабосилок

с большими возможностями, это говорит о том, что твой мир, скорее всего, пуст, магия в нем умирает или вообще отсутствует. Я едва не иссушила себя, чтобы дотянуться до тебя, значит, твой мир очень далеко отсюда. Но портал был стабильным, и ты без последствий для себя совершила переход. Я уверена: дух твоего мира помог своей дочери покинуть родной дом, чтобы не сгинула в скором времени, как и весь твой род.

— Нет-нет, это неправда, это бред, это не может быть правдой! — Я испуганно прижала руки к лицу, затем снова растерла пальцами виски, расстегнула, а потом и вовсе сняла куртку, а то пот струился между лопаток.

Потом убито оглядела дивную поляну иного мира — уже не такую привлекательную — и незнакомку, которая говорила жуткие вещи. И никак не могла поверить, что все это происходит в реальности. Сначала похороны, кладбище, потом другой мир. Дурдом какой-то.

— Тебе придется принять правду: обратной дороги нет, ведь только Мирей знает, где находится твой дом. Но как спросить дорогу у целого мира, подумай? Ни я, ни кто-нибудь другой не сможет указать тебе обратный путь. Здесь же, когда ты привыкнешь, осознаешь и примешь новый дом, сможешь обрести счастье, силу и долголетие.

— Долголетие? — заинтересовалась я.

— Чем сильнее ведьма, тем дольше она живет! — усмехнулась Измира.

— Простите за бестактный вопрос: сколько вам лет? — поинтересовалась я, подозревая подвох. И снова чуть не задохнулась от страха: — А-а-а... разве ведьмы не люди? Выглядите вы вполне приличным человеком.

Измира перестала улыбаться, на ее лицо словно тучка набежала.

— Триста двадцать семь.